

Публикуемым ниже очерком из, казалось бы, недавнего прошлого нашего Отечества хотелось бы напомнить современным читателям журнала «Сибирь» о русском писателе Михаиле Ивановиче Орфанове (1848–1884), произведениями которого зачитывались искатели приключений XIX века. И не только они.

Имя Орфанова было хорошо известно читающей России того времени. Рассказы и очерки писателя из сибирской жизни печатали известные российские журналы и газеты: «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Забайкальские областные ведомости». Его перу принадлежат произведения «Нечто о тюрьмах в Сибири», «Сибирские колонизаторы», «Вояж сибирского купца», «Из писем каторжного», «Из сибирской службы», жанр которых можно определить скорее условно, чего в них больше — рассказа или очерка, решит сам читатель.

В 1983 году в Москве вышла книга М. Орфанова «В дали. Из прошлого. Рассказы из вольной и невольной жизни». В неё вошли рассказы и очерки, впервые увидевшие свет на страницах российских газет и журналов. Она состоит из двух частей: «Жизнь и служба в Восточной Сибири», «Тюрьма и каторга».

В первую часть вошли рассказы и очерки: «Уголок Забайкалья», «Тунка», «Иркутск», «Пришковые рабочие», «У семейских» и в Кяхте», «Сибирский «земец», «Первая командировка», «В тайге», «Чужое имя», «В заходустье». Во второй части опубликованы рассказы и очерки: «Тюрьмы и этапы», «Не наши», «Смешился!», «Пасха в остроге», «Из дневника бывалого человека».

Литературная критика отмечала, что рассказы и очерки М. Орфанова зачастую носят автобиографический характер. И тем не менее, со страниц его произведений предстал неизвестный мир «кандальной» Сибири, её социальные контрасты, типы чиновников, арестантов, тюремные нравы и порядки. Отмечая «действительность жизни» и правдивость очерков писателя, богатство фактического материала и наблюдений, читатели проникались сочувствием к несчастным и обездоленным. Критики называли Орфанова «талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки».

Дорога к читателям рассказов и очерков Орфанова была не из лёгких: приходилось пробиваться через цензурные рогатки. Книга Орфанова «В дали», изданная по разрешению цензурного комитета Москвы, позднее была внесена в список изданий, запрещённых для публичных библиотек и общественных читален.

Жизнь Орфанова была насыщена встречами, событиями. Он редко оставался наедине с собой. В его окружении можно встретить губернаторов, издателей, редакторов, писателей, литературных критиков, историков, юристов, промышленников, ссыльных и каторжан. О нём оставили воспоминания В. Гиляровский, С. Максимов, Е. Некрасова, А. Пытин, Н. Свешников, А. Чехов, Н. Ядринцев, Д. Языков...

Чехов писал: «Вся семья Орфановых прекрасна». И было отчего восхищаться известному русскому писателю.

Михаил Иванович Орфанов происходил из дворянской семьи. Его отец, Иван Иванович Орфанов (1810–1876), — известный в России врач. Прошёл путь от лекаря на Кавказе, в Ольгинском военном временном госпитале, до столоначальника Медицинского департамента в Петербурге и члена Медицинского Совета России. На Кавказских Минеральных Водах оставил о себе добрую память: был старшим ординатором в Пятигорском военном госпитале секретарём комиссии при Кавказских Минеральных Водах, первым Главным врачом Эссендукских минеральных вод, опубликовал статью «Взгляд на Кавказские минеральные воды в настоящем их состоянии» («Ставропольские губернские Ведомости», 1852 г., № 35; «Библ. Военно-медицинского журнала», 1854 г., ч. 63), первым заговорил в печати о необходимости превратить Кавказские Минеральные Воды в курорт европейского уровня. За «беспорочную службу» Орфанов был награждён орденами Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени.

Мать писателя София Михайловна Гагель (1825–?), дочь провизора Ставропольского военного госпиталя титулярного советника Михаила Александровича Гагеля. Она была младше Ивана Ивановича Орфанова на пятнадцать лет. В 1847 году вышла замуж за И.И. Орфанова. Всю свою жизнь София Михайловна посвятила семье, мужу, детям. В 1848 году у четы Орфановых родился сын Михаил. Кроме него, в семье было ещё двое детей: младшие сёстры Анна (1858–1936) и Софья (годы её жизни не установлены). Михаил и его сёстры получили домашнее образование. Поэтому, когда в 1865 году семья переехала в Петербург, он сдавал экстерном экзамены за курс гимназии. Это давало ему право поступить в университет. Для продолжения образования Михаил выбрал Московский университет. Но в апреле 1866 года его арестовали по подозрению к каракозовскому делу. Дмитрий Каракозов покушался на царя Александра II 4 апреля 1866 года. Не найдя улик, Михаила Орфанова, тем не менее, выслали из Москвы под надзор полиции по месту жительства родителей. В 1866 году он стал вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1869 году, не закончив курса университета, 21-летний Михаил Орфанов по настойчивому предложению отца отправился в Восточную Сибирь. Отцу писателя стало намного легче: он надеялся, что на государственной службе сын повзрослеет и расстанется с революционными иллюзиями.

Согласно архивным документам Государственного архива Читинской области Орфанов-младший с 12 марта 1869 года служил в Чите помощником столоначальника Забайкальского областного правления. По служебным делам он побывал в Иркутске, Верхоленском округе, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, снова в Чите, Нерчинске... За восемь лет безупречной службы у Михаила Орфанова полтора десятка перемещений с должности на должность: стряпчий и секретарь полицейского управления, смотритель типографии и редактор официальной части «Забайкальских областных ведомостей», чиновник по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками... Он оставался на службе в Восточной Сибири столь долго по собственной воле, без принуждения. Служба обогатила Орфанова знаниями самых разных сторон сибирской жизни, что впоследствии сыграло решающую роль в его художественном творчестве.

«Через его руки проходила масса дел... пред ним была судьба людей, их счастье и несчастье. Он хорошо сознавал свой долг, старался внести правду, чем-нибудь смягчить окружающие жёсткие отношения, но действительность была слишком сурова, обстановка слишком безотраднa, а жертвы... являлись пред ним тысячами», — писал исследователь жизни и творчества, критик Н.М. Ядринцев.

В 1876 году Михаил Орфанов вышел в отставку. И уехал из Сибири. Сначала жил в Петербурге. Занялся исключительно литературной работой, сотрудничал с московскими и петербургскими газетами и журналами. К тому его сёстры тоже жили в Северной столице. Анна Ивановна стала женой известного издателя, журналиста и писателя А.С. Суворина. Другая сестра, Софья Ивановна Мамышева, помогала вести дела в магазине «Нового времени».

В одном из писем прозаику и драматургу И.Л. Леонтьеву от 20 декабря 1888 года А.П. Чехов писал об Анне Ивановне Сувориной: «Из всех женщин, которых я знаю, это единственная, имеющая свой собственный, самостоятельный взгляд на вещи. Она урождённая Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснейшего человека».

Чехов не был знаком с Михаилом Орфановым. Его оценка Орфанова — это, скорее, результат впечатлений от рассказов Анны Ивановны и Софьи Ивановны о брате. Если жизнь сестёр была устроена, то его личная жизнь не складывалась: ни семьи, ни дома, ни работы.

Орфанов переехал из Петербурга в Москву с надеждой устроить свою жизнь по-новому. Но переезд в древнюю столицу России не принёс ему перемен. Характерно в этом отношении его письмо редактору журнала «Дело» В.П. Острогорскому. 10 мая 1884 года Михаил Иванович писал Виктору Петровичу: «Я приготовил рассказ из Сибирских воспоминаний в 1¼ л. для журнала «Рус. мысль». Он должен был быть помещён в майской книжке, но за наплывом материалов из «Отеч. записок» отложен до осени, хотя был не только принят, но даже набран. Нашему брату-бедняку далеко не всё равно, когда вещь поместится, и потому мне хотелось бы поместить её поскорей в другом месте, преимущественно в «Деле», так как получил приглашение от Станюковича работать у них».

Но в апреле 1884 года К.М. Станюкович был арестован, и Орфанов остался без работы. В том же 1884 году Михаил Иванович тяжело заболел. Друзья доставили писателя в Мариинскую больницу, где он скончался на тридцать шестом году жизни 4 сентября 1884 года, «Современные известия» сообщали, что Орфанов остался, «как и большинство писателей, без всяких средств».

Писателя похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с могилами других известных русских писателей А. Левитова и М. Воронова.

К сожалению, литературное наследие М. Орфанова — рассказы, очерки — сегодня практически не известны читателям. О них знают разве что специалисты — историки литературы, литературоведы, краеведы. Изредка о писателе вспоминают авторы краеведческих материалов.

Сибирские впечатления дали М.И. Орфанову богатый материал для создания оригинальных по содержанию рассказов и очерков. Один из них мы и предлагаем читателям.

Николай Блохин

В конце весны 185... года страшная распутица и вскрытие какой-то небольшой речки в Западной Сибири заставили меня сделать невольный привал на берегу этой речки, в прескверном станционном доме... Я сидел и скучал, когда увидел, что к станции подъехал шегольской «проходной» тарантас, как в Сибири называют собственные экипажи.

Из экипажа вышел приезжий — по-видимому, солидный купец; за ним вынесли всевозможные саквояжи, мешочки, погребки и корзинки, без которых не ездит ни один сибирский купец.

Станционный смотритель встретил его приветливо, как человека, очевидно, знакомого. Комната для приезжающих была одна, и мы скоро познакомились. На столе шумел самовар, подана была миска с пельменями, пряженики и всякая благодать. Видя мое одиночество, купец, по обычаю, пригласил меня в компанию, откупорив графинчик. Пар от пельменей, действительно, соблазнил меня, в виду того, что мои запасы давно истощились.

За столом и беседой время шло незаметно. Я вспомнил, что он вскользь заметил о тайге, я спросил его, не золотопромышленник ли он?

— Правда, я и забыл отрекомендоваться: Яков Борисович Уфимский, старинный «золотарь», — шутливо прибавил мой собеседник, — а вы, смею спросить?

Я назвал себя, а также и город, где постоянно живу. Как старый сибиряк, он, оказалось, знал почти всех моих знакомых; разговор оживился его рассказами о некоторых из них — людях, тогда еще мне мало знакомых. Большинство их, конечно, был чиновный люд. Разговор как-то зашел о сибирских порядках, и когда мне пришлось, в качестве свежего человека, выразить нечто вроде недоверия к возможности разных казусов, о которых шла речь, то он просто смеялся надо мной.

— Вы, батюшка, выходит, Сибири-то не знаете вовсе! Разве здесь есть что-нибудь невозможное для чиновника, раз только он хорош с начальством? Все, что хотите, сделает, ему все с рук сойдет, а над вами же и посмеется! Лет двадцать тому назад надо мной так подшутил один, сравнительно, ничтожный человек, что я потерял почти все свое состояние, да и жаловаться не мог. Мало того, это происшествие до сих пор служит нашим досужим сибирякам предлогом посмеяться над моей, якобы, простотой... Вот вам и шутка! — как-то озлобленно вздохнул он.

— Что же? Расскажите, если не лень, — попросил я его.

— Нет, извините, не могу; мне и вспомнить-то, так всего коробит! Словом, поживешь в Сибири — подобным вещам не будешь удивляться, а теперь пока позвольте подлить вам рому, — не правда ли, не дурно? Вы куда теперь едете? В N-кь?

На мой утвердительный ответ, он продолжал:

— Так повидаете Павла Васильевича Башилова, — кланяйтесь ему!

Только на другой день, после обеда, явилась возможность ехать дальше, и на третьей или четвертой станции переезда я распростился с моим обязательным собеседником. По приезде в N-кь рассказываю я кому-то свои дорожные приключения, упомянул между прочим и о встрече с Уфимским, причем расхвалил его как приятнейшего, остроумного собеседника и радушного попутчика, готового поделиться в дороге всем.

— Человек он действительно умный, и поговорить с ним, как вы говорили, не спорю, может быть и приятно; но зато иметь с ним какое-нибудь дело — не дай Бог: это первоклассный мошенник и разбойник, шулер — всё, что хотите.

— Что вы? С такой патриархальной наружностью, с такой добротой — и чтобы был плут! Что-то не верится; к тому же он мне, между прочим, говорил, что лет двадцать тому назад его так поддело чиновничество, что он потерял почти всё состояние. Как это допустить, если уж он такой мошенник?

— А! Он и это рассказал вам?

— Нет, не рассказал, а только упомянул об этом. Что это правда, вы не знаете?

— Знаю и могу вам передать обстоятельно. Видите ли, как было это дело.

Уфимский — еврей и купец; главная цель его жизни — деньги. Вы, конечно, знаете, что в Сибири не пренебрегают средствами нажить их. Конечно, самое соблазнительное здесь — это золото. Много греха от него в Сибири; из-за него и людей убивают... Кроме добычи золота, существует еще покупка и продажа краденого золота. Дело это соблазнительное, около него ютятся русские и евреи. Некоторые из Т-х евреев, имея капиталы, пустились в рискованный промысел, надеясь на деньги и патриархальность местных чиновников. Уфимский, мальчишкой, попал как-то в Западную Сибирь, маклачил чем попало, и вскоре удалось ему устроиться не то писцом, не то лакеем на прииск. С этого момента определилась уже вся жизнь его и деятельность. Когда он после нескольких месяцев вернулся в город, у него уже было тыщонки три-четыре! Значит, уже уразумел приисковую механику и золота уже приобрел малую толику, которое и перепродал в городе с барышом 1000 процентов! С этих пор он посвятил себя скупке и перепродаже краденого, или, выражаясь по казенному, «хищнического» золота. Занятие этой торговлей чрезвычайно выгодно, и сравнить ее, по выгодности, можно только с фабрикацией фальшивых кредитных билетов, которая, как известно, составила не одно колоссальное состояние в России, особенно между мануфактуристами. Сходство этих профессий еще более увеличится, если вы вспомните, что как за одно дело, так и за другое, в случае изобличения виновных, — каторжные работы! Значит, велики же барыши, если трусливейший нард в мире чуть не поголовно и теперь торгует у нас «песочком»? Уфимский вел свои дела так, что в короткое время у него уже оказались и каменные дома в городе, и чуть не в трех городах лавки для замаскирования настоящего источника богатства — словом, обладал капиталом солидным. Тут я сделаю маленькое отступление, — приостановившись, обратился ко мне рассказчик, — надо вам сказать, что существует закон, по которому правительство, в виде награды, выдает по полтора рубля за золотник каждому, кто откроет хищническое золото, сколько бы его ни оказалось; таким образом, открыть золото — дело очень выгодное, и понятно, всякому полицейскому весьма любопытно бы совершить такой подвиг: ведь один пуд если найдет, то около шести тысяч получит, не мошенническим, а честным образом заработанных, да еще к награде представят! Отсюда и вытекает, что насколько легко приобретать от рабочих на месте, т. е. на приисках, золото, настолько же трудно его провести благополучно домой, так как во весь длинный путь приходится ежеминутно опасаться, что вот-вот грянет обыск, и тогда не только «прощай капитал», но еще в перспективе и каторга! Люди, занимающиеся провозом золота, почти на перечет известны полиции, но на обыск проезжающих члены полиции решаются редко, только в тех случаях, когда они заранее предуведомлены каким-нибудь лицом, пользующимся их полным доверием, что, мол, ловкость провозителей часто оставляет в дураках полицию, и на последнюю непременно поступает жалоба на неправильное задержание «человека, занимающего известное общественное положение (напр., купца 1-й гильдии), подозрение на которого в столь тяжком преступлении может принести громадный имущественный убыток, не говоря уже про нравственное страдание» и проч. Подобные жалобы крупных коммерсантов нередко влекут за собой удаление от должности наиболее ретивых «искателей золота», и этим только и объяснима та громадная торговля золотом, как процветает поныне в Сибири.

— Теперь возвращусь к Уфимскому, — продолжал рассказчик. — Он дошел до такого искусства и ловкости в провозе золота, что уже несколько лет, раза по два в год, ездил из Е-ка в Т-к под предлогом торговых дел, и несмотря на то, что все знали, зачем

он ездит, его не трогали, так как двое или трое смельчаков из земских заседателей слетели с мест, рискуя задержать его в дороге и не найдя при нем ни порошинки. Ведь золото, как очень тяжелый металл, требует весьма мало места, и потому его довольно легко спрятать. Одни предпочитают держать его при себе, в замшевых мешочках, чтоб иметь возможность, при первой опасности, бросить его незаметно в снег, а если дело бывает летом, что случается редко, то в траву, и таким образом рискуют потерять золото ради спасения собственной шкуры. Другие же по большей части идут на более тонкие штуки: заделывают его в экипаж; напр., выдалбливают в отводинах дуги или в передке пустоту, куда в бычачьем пузыре закладывают золото, да так искусно заделывают, что самый опытный глаз не заметит при внимательном обзоре ничего подозрительного. Закладывают его также в товарные ящики и бочонки, притом так, что какое дно ни выбей, — виден только товар, а в середине находится маленький выдвижной ящик, совершенно незаметно помещенный, с золотом. Словом сказать, в подобных хитростях Уфимский был неуловим. После неудачных попыток полиции поймать его, кончившихся, как я вам сказывал, очень печально для нее, он, поездив лет пять со всякими предосторожностями, мало помалу свыкся с мыслью о полной безопасности проезда и перестал выдумывать новые способы скрытия «песочку», а стал возить его прямо в чемодане, много в двух-трех, между бельем и платьем. Полициеймейстер в Е-ке был в те времена Иван Андреевич Лапенко, отличный малый, хохол, любивший хорошо выпить и поесть, и других угостить. Очевидно, что для этого нужны были деньги, и хоть он покойник теперь, а должен я вам доложить — умел из любого дела извлекать, так сказать, «кубический корень»! При всем том, весь город его любил, а в числе верных дружков его был и Уфимский, который, как приедет бывало из Т-ка, непременно привезет ему разных этаких петербургских и заграничных закусок, вина какого-нибудь нового, у нас невиданного, и проч. — словом, жили душа в душу. Покойник Иван Андреевич нет-нет, да под веселую руку и скажет шутя, Уфимскому: «Ох, брат, Яков! Ты все закусками да вином отбодряешься от меня! Смотри, лучше плати мне годовых... ну, тышчонки полторы-две: поймаю — помяни моё слово, за все время получу!»

— Что вы, Иван Андреевич! Да за что вам и платить-то? Вы все на насчет золота думаете, что занимаюсь, а я, видит Бог, забыл, какое оно есть и на вид-то! У меня, слава Богу, сами видите, торговля немаленькая, какой мне расчет путаться с этим добром. А, впрочем, — улыбнулся Уфимский, — попробуйте: а ось вы и счастливее будете прежних...

— Ну вот, стану я, Яша, возиться с этим! Это я так: думаю, не положишь ли чего в года-то!

И они с добродушным смехом чокались и выпивали стаканчик «портецу аглицкого Лякоку». Надо вам сказать, что Уфимский в то время имел уже и прииск^{*} в северной тайге, которые сами по себе, кроме убытку, ничего ему не приносили; но от них был большой доход вследствие близости богатых приисков, так как эта близость давала возможность рабочим других приисков сбывать все краденое золото Уфимскому, который и показывал его в книгах как добытое на своих. Это золото, конечно, не подлежит преследованию; правительство каждому золотопромышленнику или доверенному его, везущему золото для сплава в Барнаул (теперь и в Иркутске есть золотоплавильня), дает в конвой казака с казенной подорожной, а то и двух. Но Уфимский не довольствовался этим золотом, он накопал его дале-

^{*}Енисейская губерния, относительно золотопромышленности, разделена на две части: северную и южную тайги. Первая, еще недавно, давала массу золота, и приисков в ней было очень много.

ко более того, что значилось в книгах, и вот этот-то излишек и мог, в случае его открытия кем-либо, отправить на каторгу нашего контрабандиста.

Иван Андреевич, покойник, знал это, да не знал, как он его провозит: сам ли лично, через знакомых ли евреев, или же с транспортом товаров, — и долго не решался «задеть друга за живое место». Однажды был большой обед у Якова Борисовича; давался он по случаю отъезда его в тот же день к себе в Т-к. Почетным гостем был, конечно, Иван Андреевич, который всегда в подобных случаях ел, пил и говорил за четверых. Дело было зимой, перед самыми сумерками. Превосходная зимняя полукрытая кибитка Уфимского, запряженная лихою тройкой, сплошь увешанная «бубенцами», стояла уже давно на дворе. Но господа что-то долго не выходили из комнат. Там в это время произошла любопытная сцена между Иваном Андреевичем и Яковом Борисовичем, уже одетым в дорожную якутскую доху на песцовом подкладе.

— Подожди, Яша, поди-ка сюда ко мне на минуту, у меня есть до тебя два слова перед отъездом, — шепнул Иван Андреевич Уфимскому и, ухватив его полугоныку за рукав, подвел к окну, откуда была видна готовая тройка. — Смотри, брат, как бы тебе не влопаться (т. е. попасть в беду. — *Н.Б.*). В полицейском управлении сегодня получена бумага от горного исправника, что ты везешь с собой золото; поэтому, сердись не сердись, а обыскать тебя и твой экипаж я должен. Я не хотел публично скандал делать, потому и молчал, а больше, брат, не мог! Да и сделать, брат, ничего не могу: видишь, не только кругом кибитки, но и на дворе стоит полиция? Если есть грех — лучше покайся! Авось, как-нибудь сойдемся, — не первый год, говорят, знакомы; как-нибудь и вывернемся!

А сам треплет помертвевшего Уфимского по спине, ласково заглядывая ему в глаза. Тот взглянул на двор и сразу увидел, что извернуться нет возможности: кругом кибитки помещены казаки, с двумя квартальными во главе; у ворот, на задворках, тоже прохаживается стража. Спуститься к экипажу, начать самому показывать все свои вещи и при этом незаметно выкинуть все золото, как не раз удавалось, — теперь невозможно, потому что кругом полиция, да и золота много: около 6-ти пудов!

— Иван Андреевич, не губи меня! Ведь ты хлеб-соль мою ел, жили мы с тобой, как братья! Не разори вконец. Устрой как-нибудь: я тебе сейчас красненькую тысячу дам!

— Зачем я тебя разорять буду, чудак, право, каков! Ведь мне сообщили, что у тебя золото, — ну, я и должен исполнить требование — обыскать тебя! Если у тебя нет песочку, так за что же ты мне даешь десять тысяч?

— В том-то и дело, что есть, — молит Уфимский, готовый упасть в ноги Лапенко.

— А коли есть, так уж, брат, не гневайся! Сколько времени я тебе набожно говорил: «Ой, Яков, плати лучше погодные», а ты что? — «не запутавить, мол!» — Теперь и платись. Сколько ж с тебя взять?

Тут между ними произошла отчаянная торговля: Лапенко упорно стоял на тридцати тысячах. При виде беды неминуемой Уфимскому ничего не оставалось, как только снять с себя все платье и из громадного, русской кожи бумажника, носимого им на груди под рубашкой, достать требуемую сумму и вручить сочувственно улыбавшемуся Ивану Андреевичу, который в это время утешал его, говоря, что и он, Лапенко, «рискует из-за этого потерять место», так как горный исправник непременно донесет на него; но «что для такого старого приятеля он готов на все». Это задержало отъезд Уфимского на час по крайней мере. Лапенко не хотел отпустить его, не угостив еще раз «холодненьким». Когда Уфимский, наконец, вышел садиться в экипаж, он не застал ни одного полицейского. Покойник Лапенко

ещё перед смертью мне говорил, что простить не может себе, как так мало взял с Уфимского. Не знал, говорит, что у него шесть пудов было; следовало бы всю стоимость взять, а я рассчитал, что не более двух, — ошибся тот, кто мне донес.

Так закончил свой рассказ мой собеседник.

— Какая же тут шутка чиновника, про которую мне говорил Уфимский? Это просто ловкая взятка, более ничего! — заметил я ему.

Он улыбнулся и, взглянув на меня, начал снова говорить:

— Да я же вам сказывал, что покойник Лапенко был веселый малый, так шутку-то он и выдумал с Уфимским следующую: в К-ке полицеймейстером был в то время некто S, закадычный его друг и приятель; к нему, еще накануне отъезда Уфимского, он послал нарочного с просьбой словить Уфимского на первой станции от К-ка, пригрозить ему обыском и взять с него, сколько сам сообразит. Тот так и сделал. Представьте теперь изумление Уфимского, когда перед К-м встречает его тамошний полицеймейстер, говоря, что имеет бумагу от горного исправника обыскать его, но согласен замять дело, если получит десять тысяч. Делать нечего, Уфимский дал, проклиная в душе горного исправника, которому ежегодно платил шесть тысяч, — «и вот, извольте, какая неблагодарность!» — В К-ке он только отобедал у S, который силком почти затащил его к себе и задержал часов семь, чтобы успеть дать знать, в свою очередь, другому приятелю, м-му исправнику, прося проделать эту же историю. Удивление Уфимского и его злость на злополучного горного исправника не имели границ, когда он принужден был снова дать пять тысяч. Но и м-кий исправник не отстал от своих предшественников: он успел сообщить о едущем кладе своему соседу по уезду, с той же непременно ссылкой на горного исправника. И тут Уфимский, уже больной от злости, дал пять тысяч, думая, что, теперь, мол, кончилась Восточная Сибирь, — кончилось и его потрошение. Не тут-то было: приезжает в К-к — и тут та же история, и опять пять тысяч! Отдал он их и подъезжает уже к родному Т-ку, где конец его печальному путешествию; но на последней станции его неприятно поразила хорошо знакомая ему физиономия «своего», т. е. т-го полицеймейстера. «Ну, думает, неужели и этот ближайший друг и приятель так же будет ко мне безжалостен?» Увы! «приятель» оказался, можно сказать, «наигорчайшим злодеем». Он, во-первых, взял десять тысяч деньгами, а во-вторых, конфисковал, батюшка вы мои, всё золото в свою пользу! Какова шельма! а? Ведь сразу сотнягу тысяч заработал! Вот-с отчего ваш новый знакомый Яков Борисович Уфимский, милый, по-вашему, человек, и не хотел сам рассказывать вам эту историю! Уж больно стыдно было в своем промахе сознаваться!.. Конечно, после стал опытнее. Ну, а шутку не забыл!..

«Шутка», — подумалось мне, — это, вероятно, еще не большее несчастье, и, как шутка — даже остроумная в своем роде».

— Ну, что же, он разорен теперь? — спросил я.

— Какое! И теперь ездит — конечно, только осторожнее. Опять же капиталы наживает, не разберешь только вот: игрою ли в карты по ярмаркам или золотом? Шут их разберет!

На всякий случай эту историю купеческого вояжа по Сибири мы тогда же записали и теперь делимся с читателями.

Мишля